В.Ю. ЧЕРНОВА
доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА ЕАЭС

В статье анализируется влияние ближневосточного кризиса 2026 г. на международную продовольственную безопасность и через какие каналы этот шок транслируется в продовольственные параметры ЕАЭС. Методический аппарат исследования включает индексную оценку ценовой динамики (инфляционные индексы потребительских цен на продовольствие), расчет коэффициентов подушевого производства и метод построения многовариантных матричных сценариев для оценки вероятностного влияния каскадных внешних шоков на логистику и продовольственную безопасность исследуемого макрорегиона. Показано, что суммарный эффект для ЕАЭС неоднозначен: так, для ЕАЭС, как для нетто-экспортера зерна, масла и удобрения, открываются новые экспортные возможности, но одновременно возрастают инфляционные и логистические риски, растет значимость технологической и инфраструктурной кооперации внутри Союза, а также внешнеторговой диверсификации. Оригинальность данного исследования заключается в органично осуществленном автором синтезе ретроспективного анализа развития АПК ЕАЭС с новейшими эмпирическими данными за I квартал 2026 г., отражающими реакцию глобальных рынков на блокаду ближневосточных торговых путей. Это позволило автору не только показать текущее состояние отрасли, но и выявить глубинные механизмы абсорбции внешних шоков экономиками стран ЕАЭС.

Ключевые слова: *продовольственная безопасность, ЕАЭС, Ближний Восток, энергетический шок, удобрения, морская логистика, продовольственная инфляция, сценарии.*

УДК: 339.54

EDN: UIUQFQ

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_4_176_197

Введение

Современная архитектура глобальной экономики и системы международного разделения труда переживает период беспрецедентной структурной турбулентности. Эскалация геополитической напряженности, катализатором которой стала радикальная трансформация логистических, финансовых и санкционных режимов в 2022 г., приобрела новое, еще более разрушительное измерение в связи с полномасштабным ближневосточным кризисом, разразившимся в феврале–марте 2026 г. Блокада Ормузского пролива, являющегося критической кровеносной артерией мировой торговли энергоносителями и минеральными удобрениями, спровоцировала классическую цепную реакцию предложения (second-order supply shock), транслирующуюся в беспрецедентный рост трансакционных и производственных издержек для агропромышленных комплексов по всему миру [7]. В этих сложных макроэкономических условиях Евразийский экономический союз (ЕАЭС: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия), обладающий уникальным сельскохозяйственным, водным и природно-ресурсным потенциалом, объективно трансформируется из сугубо регионального интеграционного объединения в одного из ключевых системных гарантов глобальной продовольственной устойчивости.

Данное исследование направлено на комплексный многоуровневый анализ агропродовольственного потенциала государств – членов ЕАЭС, в том числе на оценку динамики формирования внутреннего рынка и внешней торговли Союза, а также на выявление стратегических последствий текущего ближневосточного кризиса 2026 г. для логистических цепочек и экспортных позиций Евразийского макрорегиона[1]. Особое внимание в рамках работы уделяется оценке влияния экзогенного шока на переформатирование Международного транспортного коридора «Север – Юг» (International North-South Transport Corridor, INSTC) и формированию научно обоснованных сценарных траекторий развития агропромышленного комплекса (АПК) ЕАЭС в краткосрочной и среднесрочной перспективе до 2027 г.

Структурные характеристики и ресурсообеспеченность АПК государств ЕАЭС

Фундаментальным эндогенным фактором, детерминирующим возрастающую роль ЕАЭС в мировом разделении труда и обеспечении глобальной продовольственной безопасности, является колоссальная ресур-

[1] Под Евразийским макрорегионом в статье понимается регион, включающий в себя все страны – члены ЕАЭС: Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россию.

сообеспеченность макрорегиона. На долю государств – членов Союза приходится около 10% мирового сельскохозяйственного земельного фонда и лишь 3% населения планеты [4]. Подобная асимметрия в распределении факторов производства создает уникально высокую обеспеченность землей на душу населения, что выступает естественной предпосылкой для производства значительных объемов продовольствия не только для покрытия внутренних нужд макрорегиона, но и для формирования масштабных экспортных потоков. Данный тезис находит подтверждение в статистическом сопоставлении обеспеченности стран ЕАЭС земельными ресурсами с общемировыми показателями (см. табл. 1).

Таблица 1

Обеспеченность стран ЕАЭС земельными ресурсами

Страна	Площадь сельскохозяйственных земель, млн га	Площадь пахотных земель, млн га	Население, млн человек	Сельскохозяйственные земли на душу населения, га/человек	Пахотные земли на душу населения, га / человек
Армения	1,65	0,44	2,94	0,56	0,15
Беларусь	8,09	5,61	9,12	0,89	0,61
Казахстан	214,27	29,67	20,33	10,54	1,46
Кыргызстан	10,60	1,29	7,07	1,50	0,18
Россия	215,49	121,65	145,44	1,48	0,84
ЕАЭС	450,1	158,66	184,9	2,43	0,86
Мир	4809,93	1382,25	8091,73	0,59	0,17

Источник: составлено автором по данным FAOSTAT[2]

Как показывает анализ данных табл. 1, Россия и Казахстан выступают абсолютными лидерами макрорегиона по площади пахотных земель, многократно превосходя среднемировые показатели подушевой обеспеченности (1,46 и 0,84 га/человек в Казахстане и России соответственно против 0,17 га/человек в среднем по миру). Эти показатели формируют основу их экспортной специализации на экстенсивных ресурсоемких культурах, прежде всего зерновых и масличных. В то же время страны с меньшей земельной обеспеченностью, такие как Армения (0,15 га/человек пашни) и Кыргызстан (0,18 га/человек), объективно тяготеют к развитию трудоемких отраслей сельского хозяйства – садоводства, овощеводства и виноградарства.

[2] FAOSTAT. Data. https://www.fao.org/faostat/en/#data (дата обращения: 07.07.2026).

С начала 1990-х годов роль сельского хозяйства в экономике государств евразийского пространства претерпела серьезные структурные изменения. Удельный вес аграрного сектора в структуре валового внутреннего продукта (ВВП) закономерно снизился и продолжает плавно снижаться вследствие ускоренного роста сервисных секторов и промышленности. Статистика демонстрирует эту трансформацию предельно наглядно: в Армении доля АПК сократилась с 48,8% в 1993 г. до 7,9% в 2024 г., в Кыргызстане – с 46,3% в 1996 г. до 8,8% в 2024 г., в Казахстане – с 29,5% в 1991 г. до 4,5% в 2024 г., в Беларуси – с 19,7% в 1991 г. до 6,9% в 2024 г., в России – с 13,5% в 1991 г. до 3,4% в 2024 г.[3]

Данная динамика полностью соответствует общемировой тенденции экономического развития, описываемой закономерностями структурной трансформации (закон К. Кларка – А. Фишера). Доля агросектора в мировом ВВП в 2023 г. составила 4,3%. При этом в странах, являющихся крупнейшими производителями агропродукции, она находится на сопоставимо низком уровне: в Канаде – 1,7%, в КНР – 7,8%, в США – 0,9%, в Бразилии – 5,5%[4]. Снижение доли сельского хозяйства в ВВП не означает абсолютной деградации отрасли – напротив, оно сопровождается ростом производительности труда, механизацией и переходом к капиталоемким методам хозяйствования.

Тем не менее для Кыргызстана, Армении и Беларуси АПК остается стратегически важным сектором не только в макроэкономическом, но и в социально-демографическом контексте. В аграрном секторе данных государств по-прежнему занята значительная часть трудоспособного населения. Это особенно характерно для менее крупных экономик Союза: если в России занятость в сельском хозяйстве упала до 5,8% от общей численности работающих, то в Армении занятость в агропродовольственном секторе превышает 56%, в Кыргызстане составляет 39%, а в Беларуси – 22%[5]. Эти цифры говорят о том, что развитие агропромышленного комплекса в этих странах выполняет критическую функцию абсорбции избыточной рабочей силы, будучи ключевым источником занятости и доходов сельского населения, а также фактором удержания территорий от депопуляции.

В 2025 г., по предварительным данным ЕЭК, производство сельскохозяйственной продукции во всех без исключения странах ЕАЭС продемонстрировало синхронный рост, увеличившись совокупно на 4,6% по сравнению с показателями 2024 г. (в частности, в Армении

---

[3] FAOSTAT. Data. https://www.fao.org/faostat/en/#data/MK (дата обращения: 03.03.2026).

[4] World Food and Agriculture – Statistical Yearbook 2025 // FAO. 2025. Rome. https://doi.org/10.4060/cd4313en

[5] FAOSTAT. Data. https://www.fao.org/faostat/en/#data/OEA (дата обращения: 03.03.2026).

рост составил 105,6% к уровню предыдущего года, в Беларуси – 100,2%, в Казахстане – 105,9%, в Кыргызстане – 102,2%, в России – 104,9%)[6]. Этот рост происходил в условиях значительной волатильности мировых рынков, что свидетельствует о высокой степени институциональной адаптивности аграрных систем ЕАЭС. Россия при этом выступила в качестве крупнейшей аграрной экономики Союза, располагая более чем половиной всех пашен и производя свыше 73% всей агропродукции ЕАЭС; за ней следуют Казахстан (13%) и Беларусь (8%)[7].

Отраслевая специализация и внутрисоюзное разделение труда в АПК

Устойчивость коллективной продовольственной безопасности ЕАЭС обеспечивается не только валовыми объемами производства, но и высокой степенью взаимодополняемости национальных агропромышленных комплексов. Каждая из пяти стран ЕАЭС обладает своей уникальной отраслевой специализацией, обусловленной природно-климатическими условиями и исторически сложившимся технологическим укладом. Эта специализация находит отражение в показателях производства основных продуктов на душу населения (см. табл. 2).

Таблица 2

Производство основных продуктов сельского хозяйства на душу населения в странах ЕАЭС (2020–2024 гг.)

	2020	2021	2022	2023	2024	2020	2021	2022	2023	2024
	Зерновые, кг					Семена подсолнечника				
ЕАЭС	886	792	1 027	926	872	76	90	95	100	101
Армения	83	52	81	98	72	0,6	0,5	0,4	0,1	0,1
Беларусь	923	787	943	835	913	0,2	0,8	1,1	0,6	0,5
Казахстан	1 070	862	1 122	859	1 250	45	54	66	62	91
Кыргызстан	298	213	286	245	306	2	1	1	1	1
Россия	904	825	1 074	991	861	90	106	112	118	116

[6] О производстве сельскохозяйственной продукции в государствах – членах Евразийского экономического союза. Январь – декабрь 2025 г. https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/Agriculture/Agriculture_2025_12.pdf (дата обращения: 3.03.2026).

[7] Статистический ежегодник Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. М.: 2025.

Окончание табл. 2

	2020	2021	2022	2023	2024	2020	2021	2022	2023	2024
	Скот и птица, кг					**Молоко, л**				
ЕАЭС	76	76	77	80	82	261	263	251	259	263
Армения	36	37	35	34	35	221	226	210	200	189
Беларусь	137	134	132	139	147	827	840	853	908	958
Казахстан	62	65	53	56	58	323	329	171	175	180
Кыргызстан	34	34	36	36	35	248	248	249	250	253
Россия	76	77	80	82	84	218	220	225	231	233
	Сахарная свекла, кг					**Картофель, кг**				
ЕАЭС	209	247	291	319	282	157	146	153	151	135
Армения	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	148	123	118	123	111
Беларусь	427	416	458	528	542	395	366	418	438	341
Казахстан	25	17	16	26	63	214	212	208	103	131
Кыргызстан	67	53	67	87	133	197	188	183	181	165
Россия	230	280	333	363	309	133	122	128	138	122
	Овощи, кг					**Бахчевые, кг**				
ЕАЭС	124	120	124	123	120	24	27	25	26	24
Армения	234	209	206	205	214	43	44	42	39	40
Беларусь	298	293	310	305	304	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1
Казахстан	245	251	244	222	188	129	146	130	141	122
Кыргызстан	168	163	167	171	170	39	33	32	33	39
Россия	94	89	93	95	95	11	13	11	12	11
	Плоды и ягоды, кг					**Яйца, шт**				
ЕАЭС	29	30	33	31	31	295	294	299	302	303
Армения	93	109	117	122	113	255	240	252	247	238
Беларусь	82	66	89	70	78	372	379	375	375	407
Казахстан	19	19	18	18	16	270	255	231	222	222
Кыргызстан	41	39	39	39	48	84	82	87	97	109
Россия	25	27	29	29	27	304	305	314	319	319

Источник: составлено автором по данным: ЕЭК. Статистика ЕАЭС. Сельское хозяйство. Динамические ряды https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/agriculture/series/ (дата обращения: 20.07.2026).

Анализ подушевых показателей производства выявляет четкую макрорегиональную специализацию, создающую естественный фундамент для внутрисоюзной торговли. Россия за последние годы безоговорочно превратилась в глобального лидера по производству и экспорту зерновых (пшеница, ячмень, кукуруза) и масличных культур (семена подсолнечника) [8]. При высоких внутренних потребностях российское сельское хозяйство формирует колоссальный экспортный профицит. Политика импортозамещения последних лет также стимулировала взрывной рост производства мяса птицы, свинины и тепличных овощей, позволив стране снизить уязвимость от импорта продовольствия и даже начать экспансию мясомолочной продукции в соседние страны [10].

Беларусь, обладая существенно меньшими площадями сельскохозяйственных угодий, сумела создать высокоэффективный интенсифицированный агропромышленный комплекс с упором на глубокую переработку сырья. По уровню производства молока на душу населения (958 *л* в 2024 г.) Беларусь почти в четыре раза превосходит средний по Союзу уровень (263 *л*), выступая негласным «молочным хабом» всего постсоветского пространства. Страна полностью обеспечивает свои потребности в молоке, мясе, сахаре, картофеле и значительную часть производит на экспорт, удовлетворяя внутренний спрос прежде всего российского рынка[8]. Беларусь и Казахстан являются единственными странами Союза, стабильно имеющими положительное сальдо аграрной торговли.

Казахстан, располагающий обширными степными и пастбищными ресурсами, традиционно специализируется на производстве зерновых и масличных культур, а также на экстенсивном животноводстве (скотоводство и овцеводство). Казахстанская пшеница и мука исторически конкурентоспособны на региональных рынках Центральной Азии. Казахстан стабильно входит в десятку крупнейших глобальных экспортеров пшеницы (отправляя на внешние рынки 4–5 млн т ежегодно) и выступает гарантом зерновой безопасности для партнеров по ЕАЭС в центральноазиатском регионе [10]. Однако по позициям сахара, молока, мяса птицы и отдельных категорий овощей Казахстан остается нетто-импортером, зависимым от поставок из России и Беларуси.

Аграрный сектор Армении и Кыргызстана имеет ярко выраженную нишевую направленность: Армения капитализирует свои климатические преимущества в садоводстве, виноградарстве и производстве высококачественных плодоовощных консервов, вин и табака. В то же

[8] Белоруссия добилась самообеспечения мясом на 140% – эксперт // TV Brics. 17.04.26. https://tvbrics.com/news/belorussiya-dobilas-samoobespecheniya-myasom-na-140-ekspert/ (дата обращения: 03.03.2026).

время по зерну и растительным маслам республика критически зависит от импорта (преимущественно из России). В Кыргызстане сельское хозяйство также ориентировано на экспорт экологически чистых овощей, орехов, хлопка и мяса, находящих рынки сбыта в Казахстане и России[9]. Обе страны глубоко заинтересованы в бесперебойном функционировании единого аграрного рынка ЕАЭС для покрытия собственных дефицитов в сырьевых категориях.

Таким образом, комплементарность и сопряженность экономик ЕАЭС создает прочную объективную основу для взаимовыгодной кооперации. Преимущества одних стран в производстве какого-то вида сельскохозяйственного сырья (Россия, Казахстан) дополняются перерабатывающими мощностями других (Беларусь, Армения, Кыргызстан), формируя замкнутый контур коллективной продовольственной безопасности.

Архитектура взаимной торговли и институциональная адаптация к внешним шокам (2022–2025 гг.)

Эволюция интеграционных процессов в рамках ЕАЭС привела к трансформации структуры товарооборота. Экспортная структура стран Союза, за исключением России и Армении, характеризуется умеренной степенью диверсификации. Если в России в 2022 г. более 50% экспорта АПК приходилось исключительно на пшеницу и продукты ее перемола (см. табл. 3), а в Армении свыше 31% экспорта формировали алкогольные напитки, то в Беларуси и Кыргызстане экспортная корзина более сбалансирована.

Институциональное снятие барьеров и гармонизация технического регулирования обусловили практически двукратный рост взаимной торговли агропродовольственными товарами за десятилетний период[10]. Так если в 2015 г. внутренняя торговля продовольствием измерялась единицами миллиардов долларов, то в 2024 г. ее объем вплотную приблизился к 20 млрд долл. Как свидетельствуют данные табл. 4, Россия сохраняет статус центрального узла евразийской торговли продукцией АПК.

Колоссальная доля России во внешнеторговых операциях генерирует асимметричную зависимость продовольственных рынков стран

[9] Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. https://stat.gov.kg/ru/publications/sbornik-selskoe-hozyajstvo-kyrgyzskoj-respubliki/ (дата обращения: 14.03.2026).

[10] Ten Years of the EAEU: Trade Wars Rumble on Against Backdrop of GDP Growth. https://timesca.com/ten-years-of-the-eaeu-trade-wars-rumble-on-against-backdrop-of-gdp-growth/ (дата обращения: 14.03.2026).

Таблица 3

Основные экспортные и импортные товары стран ЕАЭС (доли в %, 2022 г.)

Импорт	%	Экспорт	%
Армения			
Пшеница и продукты	33,10	Напитки, алкогольные	31,87
Молоко (кроме сливочного масла)	12,24	Томаты и продукты	13,91
Кукуруза и продукты	7,41	Овощи, прочее	9,56
Сахар (в сыром эквиваленте)	5,35	Фрукты, прочее	8,69
Овощи, прочее	3,93	Молоко (кроме сливочного масла)	5,50
Беларусь			
Пшеница и продукты из нее	11,52	Овощи и др.	6,35
Рапс и горчичное семя	7,08	Рапсовое и горчичное масло	5,75
Фрукты и др.	5,91	Сахар (в сыром эквиваленте)	5,18
Кукуруза и продукты из него	5,37	Картофель и продукты из него	4,66
Ячмень и продукты из него	5,05	Подсластители и др.	3,37
Казахстан			
Молоко (кроме сливочного масла)	16,03	Ячмень и продукты	6,54
Овощи, другие	7,77	Масличные культуры, прочее	4,80
Сахар (в сыром эквиваленте)	6,97	Семя подсолнечника	2,66
Фрукты, другие	5,37	Подсластители, прочее	2,32
Подсластители, другие	3,75	Картофель и продукты	1,86
Кыргызстан			
Подсластители и др.	8,92	Фрукты и другие	11,58
Сахар (в сыром эквиваленте)	8,74	Кукуруза и продукты	10,54
Овощи и др.	6,93	Овощи и другие	10,34
Орехи и продукты	6,02	Фасоль	9,92
Горох	5,60	Молоко (кроме масла)	9,51
Россия			
Молоко (кроме сливочного масла)	18,59	Пшеница и продукты из нее	50,45
Фрукты и другие	8,77	Кукуруза и продукты из нее	5,84
Овощи и другие	7,53	Подсолнечное масло	5,46
Соевые бобы	6,61	Демерсальная рыба	4,02
Бананы	6,44	Ячмень и продукты из него	3,98

Источник: рассчитано автором по данным FAOSTAT. Data. https://www.fao.org/faostat/en/#data/TM (дата обращения: 20.07.2026).

Таблица 4

Взаимный экспорт сельскохозяйственной продукции стран ЕАЭС в 2024 г., млн долл.

	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Армения	—	23,0	14,0	2,7	649,0
Беларусь	24,4	—	243,5	12,6	н/д
Казахстан	6,3	30,8	—	331,7	545,3
Кыргызстан	0,2	1,7	77,0	—	92,9
Россия	453,9	н/д	3265,4	369,9	—

Источник: составлено авторам по данным FAOSTAT. Data. Detailed trade matrix. https://www.fao.org/faostat/en/#data/TM (дата обращения: 20.07.2026).

ЕАЭС от макроэкономической стабильности внутри России. Геополитические потрясения 2022 г., сопровождавшиеся жестким санкционным давлением Запада на Россию и Беларусь, стали первым масштабным стресс-тестом для аграрных рынков Союза. Ограничение доступа к западным рынкам вынудило российских производителей форсированно переориентировать экспортные потоки на внутренний рынок ЕАЭС. В краткосрочной перспективе это вызвало определенные ценовые дисбалансы: профицит дешевого российского и белорусского продовольствия на рынках Казахстана и Кыргызстана создал давление на местных фермеров [3; 6].

Высокая турбулентность глобальных рынков логистических услуг и энергоносителей, вызванная фрагментацией мировой торговли, привела к импорту инфляции. В 2022 г. продовольственная инфляция достигла 125,3% в Казахстане и 117,1% в Кыргызстане, что вызвано высокой импортозависимостью этих стран по базовым продуктам, таким как сахар, и падением курса национальных валют (см. табл. 5).

Таблица 5

Индекс потребительских цен на продовольственные товары

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
ЕАЭС	107,4	110,7	112,2	107,8	109,9
Армения	105,5	112,5	109,9	96,5	102,2
Беларусь	106,2	111,4	113,8	106,8	106,5
Казахстан	111,3	109,9	125,3	108,5	105,5
Кыргызстан	115,8	113,0	117,1	104,7	106,4
Россия	106,7	110,6	110,3	108,2	111,1

Источники: ЕЭК, 2025. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза// Евразийская экономическая комиссия. М., 2025.

Тем не менее в стратегическом плане шоки 2022–2023 гг. сыграли роль катализатора институциональной интеграции. Государства перешли от исключительно двустороннего взаимодействия к формированию элементов «частично согласованной аграрной политики» с наднациональным контуром. Была внедрена практика разработки совместных прогнозов и балансов спроса и предложения на критические виды продовольствия [5]. Появились механизмы координации экспортных ограничений во избежание взаимного ущерба[11].

Особое внимание было уделено достижению технологического суверенитета в АПК. Уход западных транснациональных корпораций – поставщиков селекционного материала, средств защиты растений (СЗР) и техники актуализировал риски критической зависимости. В ответ были запущены процессы локализации и импортозамещения. Например, благодаря интеграционным преференциям и мерам господдержки к 2024 г. доля белорусских зерноуборочных комбайнов на рынке России достигла 34%[12], частично компенсировав дефицит западной техники. Было принято решение о субсидировании процентных ставок по кооперационным инвестпроектам в АПК за счет бюджета ЕАЭС. К началу 2025 г. Союз практически полностью адаптировался к санкционным реалиям, нарастив поставки продовольственных товаров на общий рынок на 20% по сравнению с предыдущим годом[13].

Внешний трек также претерпел изменения. Произошел масштабный разворот торговли на Глобальный Юг – в страны Азии, Ближнего Востока и Африки. Вступление в силу полноформатного Соглашения о свободной торговле (ССТ) с Ираном (устранившего тарифные барьеры по 87% товаров) открыло колоссальные ниши для экспорта евразийского зерна и масел. К 2035 г. ЕАЭС потенциально способен обеспечивать продовольствием до 600 млн человек по всему миру [4].

---

[11] Подписано Соглашение о гармонизированной системе определения происхождения товаров, вывозимых с таможенной территории ЕАЭС. https://eec.eaeunion.org/news/podpisano-soglashenie-o-garmonizirovannoy-sisteme-opredeleniya-proiskhozhdeniya-tovarov-vyvozimykh-s/?sphrase_id=325812 (дата обращения: 07.03.2026).

[12] Доля белорусских зерноуборочных комбайнов на рынке РФ составила 34% в 2024 году // Поле. РФ. 16 мая 2025. https://поле.рф/journal/publication/dolya-belorusskikh-zernouborochnykh-kombaiynov-na-rynke-rf-sostavila-34-v-2024-godu (дата обращения: 07.03.2026).

[13] ЕЭК подвела итоги макроэкономического развития ЕАЭС // Евразия сегодня. 17.02.2026. https://eurasia.today/news/eek-podvela-itogi-makroekonomicheskogo-razvitiya-eaes/ (дата обращения: 07.03.2026).

Ближневосточный кризис 2026 г. как каскадный шок глобальной продовольственной архитектуры

Если адаптация АПК ЕАЭС к санкционным шокам 2022 г. считалась в целом завершенной к концу 2025 г.[14], то февраль–март 2026 г. ознаменовался новым, потенциально значительно более разрушительным макроэкономическим кризисом. Прямое вооруженное столкновение США и Израиля с Ираном привело к фактической военной блокаде Ормузского пролива, являющегося стратегически важным транспортным узлом планеты не только для поставок нефтегазовых, но и для агрохимических товаров. Через Ормузский пролив в нормальных условиях ежедневно транзитом проходило около 20 млн баррелей нефти (до 35% глобального морского потока), до 25% сжиженного природного газа (СПГ) и, что наиболее критично для сельского хозяйства, от 30% до 46% всех мировых объемов минеральных удобрений, поставляемых морским путем[15].

В течение нескольких дней после начала эскалации транзит коммерческих танкеров через пролив обрушился более чем на 90% [6]. Глобальный страховой рынок отреагировал мгновенно: ввиду расширения зон повышенного риска страховые премии от военных угроз для торговых судов подскочили с базовых 0,25% до заградительных 10% от стоимости судна, требуя при этом еженедельного пересмотра тарифов[16]. Подобный паралич ключевого транспортного узла запустил классический шок предложения второго порядка (second-order supply shock) [12], механизм которого многомерен и напрямую угрожает глобальной продовольственной безопасности.

Во-первых, произошел *коллапс рынка азотных удобрений*. Страны Персидского залива (Катар, Саудовская Аравия, Иран, Оман) исторически формировали глобальный хаб по производству карбамида (мочевины), аммиака и серы. Физическое блокирование отгрузок (до 3–4 млн т удобрений в месяц оказались заперты в регионе) привело к экспоненциальному ценовому скачку [7]. В период с февраля по март 2026 г. цены на карбамид взлетели почти на 46% в месячном исчислении. Дополнительным инфляционным драйвером стал рост цен на природный газ в Европе и Азии (на 50–75%), который является основ-

[14] Там же.

[15] Beyond oil: 9 commodities impacted by the Strait of Hormuz crisis // World Economic Forum. https://www.weforum.org/stories/2026/04/beyond-oil-lng-commodities-impacted-closure-hormuz-strait/ (дата обращения: 07.03.2026).

[16] Impact of the Middle East war on food systems in the GCC // Agroberichten Buitenland. https://www.agroberichtenbuitenland.nl/actueel/nieuws/2026/03/31/impact-of-the-middle-east-war-on-food-systems-in-the-gcc (дата обращения: 07.03.2026).

ным сырьем для синтеза азотных удобрений, что сделало производство вне Ближнего Востока критически дорогим [7].

Во-вторых, сформировался беспрецедентный *рост логистических и операционных издержек*. Удорожание нефти марки Brent на 20–35% транслировалось в резкий скачок стоимости бункерного топлива для судов. Это спровоцировало цепную реакцию повышения ставок фрахта во всех без исключения морских бассейнах, даже на тех маршрутах, которые не пересекают конфликтный регион. Рост энергозатрат моментально отразился на всей цепочке создания стоимости в АПК – от механизированной обработки полей до ирригации, переработки и хранения в системах «холодовой цепи»[17].

В-третьих, возникла реальная угроза *критического падения урожайности* из-за структурного дефицита удобрений в преддверии посевных кампаний. Временной лаг между шоком на рынке удобрений и кризисом на продовольственном рынке составляет от шести до девяти месяцев[18]. Сельскохозяйственный цикл не терпит пауз: американские фермеры, чье весеннее окно посадки приходится на март-апрель, столкнулись с дефицитом именно тогда, когда поставки из Персидского залива должны были прибыть в порты Мексиканского залива[19]. Прогнозируется, что из-за нехватки и дороговизны азота фермеры в США могут сократить посевы влаго- и азотолюбивой кукурузы на 1,5 млн акров в пользу менее требовательной сои. Аналогичные риски масштабного снижения урожаев фиксируются в Индии, Бразилии и Австралии[20].

Результатом этих процессов стал *рост цен на продовольственные товары*. По данным FAO, индекс цен на продовольствие в марте составил в среднем 128,5 процентных пункта, что на 2,4% больше, чем в феврале, и на 1,0% выше уровня 2025 г. Умеренный рост цен на продовольствие с начала конфликта обусловлен достаточными мировыми запасами зерновых. Однако затягивание конфликта при высоких затратах на ресурсы приведет к снижению урожайности, переходу фермеров

[17] Экспорт и импорт АПК – влияние ормузского кризиса с марта 2026. https://oleoscope.com/analytics/vlijanie-ormuzskogo-krizisa-na-jeksport/ (дата обращения: 11.04.2026).

[18] Former Russian Central Bank Official Warns: Fertilizer Crisis Will Trigger Global Food Price Shock in 6 to 9 Months // Bitget 2026/03/23. https://www.bitget.com/news/detail/12560605292925 (дата обращения: 11.04.2026).

[19] The Iran war's economic fallout won't stop at oil–agriculture and aluminum are next. https://www.atlanticcouncil.org/blogs/econographics/the-iran-wars-economic-fallout-wont-stop-at-oil-agriculture-and-aluminum-are-next/ (дата обращения: 11.04.2026).

[20] Chief Economist warns of severe global food security risks from disruption to Strait of Hormuz trade corridor // FAO 26/03/2026 https://www.fao.org/newsroom/detail/fao-chief-economist-warns-of-severe-global-food-security-risks-from-disruption-to-strait-of-hormuz-trade-corridor/en (дата обращения: 11.04.2026).

на выращивание культур, требующих меньше удобрений[21]. Кроме того, возник эффект перекрестного влияния рынков: рост цен на нефть сделал более рентабельным производство биотоплива (этанола и биодизеля), что привело к оттоку части урожая кукурузы и растительных масел из продовольственного баланса в энергетический, еще больше разгоняя продовольственную инфляцию [7].

Последствия этого каскадного шока для уязвимых экономик Глобального Юга оцениваются как катастрофические: если кризисная динамика сохранится до середины 2026 г., то, согласно прогнозу Всемирной продовольственной программы (WFP), еще 45 млн человек в мире будут ввергнуты в состояние острой нехватки продовольствия. Это накладывается на уже имеющуюся проблему: 52 млн человек в Западной и Центральной Африке и свыше 87 млн в Восточной Африке уже находятся на грани голода из-за перманентных конфликтов и изменений климата на Земле[22]. Страны Африки к югу от Сахары (Судан, Мозамбик, Кения) и Южной Азии (Индия, Бангладеш), импортировавшие львиную долю удобрений именно из Персидского залива, оказались в эпицентре надвигающегося голода.

Трансформация логистики и экспортных балансов ЕАЭС под влиянием шока 2026 г.

Для государств Евразийского экономического союза разворачивающийся кризис носит ярко выраженный двойственный и противоречивый характер: он, с одной стороны, максимизирует коммерческие экспортные доходы сырьевого блока, но с другой – наносит тяжелейший удар по выстраиваемым годами альтернативным логистическим коридорам и обнаруживает скрытые уязвимости в продовольственном импорте.

1. **«Удобренческая рента» и сверхдоходы экспортно ориентированных отраслей.** Блокировка Ближнего Востока, наряду с протекционистскими мерами Китая по ограничению вывоза собственных фосфатов, превратила Россию и Беларусь в практически безальтернативных макродоноров глобального рынка минеральных удобрений[23].

---

[21] Food Price Index rises in March as Near East conflict raises energy costs // FAO. 03/04/2026. https://www.fao.org/newsroom/detail/fao-food-price-index-rises-in-march-as-near-east-conflict-raises-energy-costs/en (дата обращения: 11.04.2026).

[22] Food Security Update. World Bank Solutions to Food Insecurity // FAO. March 20, 2026. https://www.worldbank.org/en/topic/agriculture/brief/food-security-update (дата обращения: 11.04.2026).

[23] Hormuz Closure Threatens the Global Food Supply – Why Grocery Price Hikes Are Coming7 https://thefulcrum.us/economy/global-food-security-crisis (дата обращения: 11.04.2026).

Россия, являясь вторым в мире производителем удобрений с долей 19% в мировом экспорте[24], оказалась бенефициаром ценового ралли. Поскольку балтийские и черноморские порты РФ остались вне зоны физического влияния конфликта в Ормузском проливе, спрос экстренно перераспределился на северные маршруты.

В результате цены на российские удобрения к середине марта 2026 г. подскочили на 39–40%[25]. По оценкам экспертов, сохранение подобной ценовой конъюнктуры (рост на 50% к базовому уровню) способно генерировать для российской экономики значительные экспортные доходы. Однако извлечение сверхдоходов несет риск импорта инфляции во внутренний контур ЕАЭС. Рост мировых котировок неизбежно провоцирует рост внутренних цен на удобрения (которые с начала года внутри России подорожали на 30%), что прямо угрожает рентабельности фермеров перед посевной. Для купирования этой угрозы правительства стран Союза были вынуждены прибегнуть к нерыночным инструментам регулирования: так, в России был введен временный запрет на экспорт аммиачной селитры (с 21 марта по 21 апреля 2026 г.) и до конца мая установлены жесткие квоты на вывоз азотных и сложных удобрений[26].

Давление кризиса заставило страны Запада де-факто признать незаменимость ЕАЭС: ради предотвращения глобального коллапса администрация США пошла на беспрецедентный шаг, приостановив действие части санкций в отношении трех белорусских производителей калийных удобрений и ослабив рестрикции на транспортировку российской продукции[27]. Это де-факто легитимизировало экспортную инфраструктуру Союзного государства в глазах мирового сообщества.

2. **Деструкция логистики и кризис МТК «Север – Юг» (INSTC).** Наиболее болезненным институциональным и инфраструктурным ударом кризиса 2026 г. для ЕАЭС стала фактическая заморозка флагманского проекта – Международного транспортного коридора «Север – Юг» (INSTC). С 2022 г. этот мультимодальный 7200-километровый маршрут, связывающий Россию со странами Персидского

[24] Производство удобрений в 2026 году: глобальное лидерство, ценовой паритет и битва за внутренний рынок // АгроСервер. 16 марта 2026. https://agroserver.ru/articles/7964.htm (дата обращения: 11.04.2026).

[25] Экспорт и импорт АПК – влияние ормузского кризиса с марта 2026. https://oleoscope.com/analytics/vlijanie-ormuzskogo-krizisa-na-jeksport/ (дата обращения: 11.04.2026).

[26] Commodity Windfalls Are Rolling into Russia From War in Iran // Bloomberg. April 1, 2026. https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-04-01/commodity-windfalls-are-rolling-into-russia-from-war-in-iran (дата обращения: 11.04.2026).

[27] США решили снять санкции с «Беларуськалия», двух банков и Минфина Белоруссии // Коммерсантъ. 19.03.2026. https://www.kommersant.ru/doc/8516085 (дата обращения: 11.04.2026).

залива и Индией через территорию Ирана, выступал главным геоэкономическим инструментом «разворота на Восток» и диверсификации поставок в обход западных санкций [9]. Аналитические центры прогнозировали рост грузооборота по МТК до 15–25 млн т к 2030 г. (из которых до 12,8 млн т должно было составить зерно)[28].

Нанесение воздушных ударов по ключевым иранским портовым хабам (Бендер-Аббас, Чабахар) и объявление Ираном пролива военной зоной парализовали транзитные возможности коридора[29]. По оценкам профильных ведомств, российские и евразийские логистические компании – операторы INSTC начали нести прямые убытки в размере 40–60 млн долл. ежемесячно. Ожидается, что совокупный грузооборот на иранском направлении может обрушиться на 25% по итогам года, перечеркивая многолетние усилия по выстраиванию южного торгового вектора[30].

Кризис форсировал поиск альтернатив. Транзитные потоки АПК ЕАЭС экстренно переориентируются на Средний коридор (Транскаспийский международный транспортный маршрут) в обход иранской территории (объем перевалки зерна через Каспий в марте составил лишь 320 тыс. т), а также на сухопутные погранпереходы с Китаем. Статистика фиксирует резкий рост: в январе 2026 г. экспорт российского зерна в КНР по железнодорожной сети увеличился в 2,2 раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, составив 676 тыс. т[31]. Тем не менее инфраструктурная емкость альтернативных маршрутов ограничена: они способны абсорбировать не более 70% выпадающего объема INSTC, при этом стоимость логистики возрастает на 20–30%, а сроки доставки увеличиваются вдвое – с 18 до 60 дней[32]. Это критически снижает маржинальность экспорта скоропортящихся и объемных сельскохозяйственных грузов.

3. **Структурные уязвимости импорта продовольствия.** Несмотря на декларируемую высокую степень самообеспеченности по базо-

---

[28] Грузопоток по МТК «Север–Юг» к 2030 году может вырасти до 35 млн тонн – Марат Хуснуллин // ПортНьюс. 18 мая 2023. https://portnews.ru/news/347550/ (дата обращения 11.04.2026).

[29] Iran Conflict Derails Eurasian Transport Development – Indian Strategic Studies. https://www.strategicstudyindia.com/2026/04/iran-conflict-derails-eurasian.html (дата обращения 11.04.2026).

[30] Danger in Iran comes at a cost for Russian INSTC exporters. https://www.railfreight.com/beltandroad/2026/03/17/danger-in-iran-comes-at-a-cost-for-russian-instc-exporters/ (дата обращения: 11.04.2026).

[31] Экспорт и импорт АПК – влияние ормузского кризиса с марта 2026. https://oleoscope.com/analytics/vlijanie-ormuzskogo-krizisa-na-jeksport/ (дата обращения: 11.04.2026).

[32] Danger in Iran comes at a cost for Russian INSTC exporters. https://www.railfreight.com/beltandroad/2026/03/17/danger-in-iran-comes-at-a-cost-for-russian-instc-exporters/ (дата обращения: 11.04.2026).

вым калориям продовольствия, кризис высветил острые уязвимости ЕАЭС в сегменте импорта витаминной и плодоовощной продукции. Макрорегион исторически зависим от поставок из стран Ближнего Востока. По данным аналитических центров, Иран закрывал более 90% потребностей российского и евразийского рынков в фисташках, 75–80% в салатных культурах, баклажанах и киви, а также 50% в финиках и сладком перце. Другой участник конфликта, Израиль, выступал поставщиком трети всех импортируемых в ЕАЭС авокадо и значительной доли цитрусовых[33]. Разрушение логистики и остановка платежей вызвали локальные шоки предложения и резкие скачки цен на данные товарные группы внутри ЕАЭС, диктуя необходимость экстренного импортозамещения путем создания и развития отечественных тепличных комплексов (в южных регионах России, Армении и в Казахстане).

Сценарное моделирование траекторий развития глобальной продовольственной архитектуры (2026–2027 гг.)

Степень влияния текущего кризиса на средне- и долгосрочные параметры аграрных рынков ЕАЭС будет зависеть от продолжительности блокады Ормузского пролива и глубины разрушения региональной энергетической инфраструктуры. Основываясь на методологии сценарного прогнозирования [1], можно выделить три базовых сценария развития событий в горизонте 2026–2027 гг.

Сценарий 1. Институциональная стабилизация и коррекция рынков («Окно возможностей»). Данный сценарий предполагает достижение дипломатического консенсуса, деэскалацию конфликта и деблокирование Ормузского пролива к лету 2026 г. В этом случае глобальные котировки на углеводороды и фрахт постепенно скорректируются до предкризисных уровней. Однако из-за специфики производственного цикла в АПК (невозможность компенсировать уже упущенные сроки внесения удобрений) «премия за риск» на рынках продовольствия и агрохимии может сохраняться.

Последствия для ЕАЭС. Макрорегион максимизирует приток финансовой ликвидности от экспорта удобрений и зерна по пиковым ценам. Работа МТК «Север – Юг» возобновляется во второй половине 2026 г., но с полным осознанием его геополитических рисков. Это стимулирует масштабные инвестиции капиталов Союза в развитие дублирующей транспортной инфраструктуры (модернизацию Транскаспийского маршрута, БАМа и Транссиба для выхода на рынки АТР) [13].

[33] Экспорт и импорт АПК – влияние ормузского кризиса с марта 2026. https://oleoscope.com/analytics/vlijanie-ormuzskogo-krizisa-na-jeksport/ (дата обращения: 11.04.2026).

Глобальный эффект. Продовольственная инфляция нанесет удар по развивающимся странам, но глобальной стагфляции удастся избежать. ЕАЭС укрепит свои переговорные позиции в рамках БРИКС+, позиционируя себя как надежный антикризисный хаб.

Сценарий 2. Стагфляция и структурный дефицит («Евразийский якорь»). Сценарий реализуется в случае затяжной (свыше года) перманентной блокады судоходства в Персидском заливе. Из-за физической недоступности удобрений в период критических окон посадки (весна-лето 2026 г. в Северном полушарии, осень 2026 г. в Южном) глобальные урожаи кукурузы, риса и пшеницы 2026–2027 сельскохозяйственного года могут сокращаться.

Последствия для ЕАЭС. На фоне катастрофического падения производства в США, Индии и Латинской Америке, ЕАЭС (в первую очередь Россия, Беларусь и Казахстан) превращается в практически безальтернативного макрорегионального донора продовольствия, а также калийных и азотных удобрений. Это позволит использовать экспорт АПК как инструмент геополитики, формируя вокруг Союза коалицию зависимых от продовольствия государств (Египет, страны Магриба, Южная Азия). Однако угроза бесконтрольного перетока мировых инфляционных шоков во внутренний контур ЕАЭС вынудит органы ЕЭК ввести режим «полузакрытой» экономики с жестким квотированием экспорта, экспортными пошлинами и директивным ценообразованием на внутреннем рынке для защиты собственного населения. INSTC будет признан стратегически нежизнеспособным, грузопотоки окончательно развернутся на восток[34].

Сценарий 3. Усиление фрагментации и продовольственный национализм («Автаркия»)

Сценарий, предполагающий эскалацию конфликта с целенаправленным физическим разрушением заводов по производству удобрений и терминалов СПГ в странах Персидского залива. Мировая торговля агрохимией разрушается. Охваченные паникой правительства стран – производителей продовольствия (Индия, КНР, Бразилия, ЕС, Аргентина) синхронно вводят тотальные эмбарго на экспорт любой сельскохозяйственной продукции для защиты национальных рынков [14].

Последствия для ЕАЭС. Для ЕАЭС продовольствие и удобрения могут стать инструментом для прорыва санкционной блокады (ограничений логистики, финансовых расчетов и экспорта), причем, в отличие от нефти, на долгосрочную перспективу. Поставки продовольствия и удобрений на рынки Азии, Африки и Ближнего Востока

[34] The price of silence: How India's grand ambitions got lost in the Gulf. https://thecradle.co/articles/the-price-of-silence-how-indias-grand-ambitions-got-lost-in-the-gulf (дата обращения: 11.04.2026).

укрепляют политические связи и снижают эффективность западных санкций [2]. Освоение новых рынков продукции АПК дает дополнительные возможности для восстановления и расширения внешних связей [11].

Выводы

Проведенный комплексный анализ демонстрирует, что архитектура агропромышленного комплекса ЕАЭС, сформировавшаяся к 2025 г., обладает высочайшей степенью институциональной резистентности и производственной комплементарности. Исходная обеспеченность земельными ресурсами, помноженная на эффективную внутрисоюзную специализацию, где Россия и Казахстан выступают гарантами зерновой и масличной независимости, а Беларусь – перерабатывающим и мясомолочным ядром, создала фундамент устойчивости, позволивший ЕАЭС избежать катастрофической импортируемой продовольственной инфляции, поразившей западные рынки.

Ближневосточный кризис 2026 г., парализовавший Ормузский пролив, выступает глобальным историческим катализатором передела агропродовольственных рынков. Выбытие до трети мировых объемов минеральных удобрений и экстренная эскалация фрахтовых издержек формируют неотвратимую угрозу острой нехватки продовольствия для десятков миллионов людей в развивающихся странах. В этом макроэкономическом контексте ЕАЭС объективно кристаллизуется как один из немногих самодостаточных макрорегионов планеты, способных не только поддерживать собственную продовольственную безопасность на уровне 80–95% самообеспеченности, но и системно выполнять функции глобального донора продовольствия и критически важных агрохимических технологий.

Для максимизации стратегических дивидендов и минимизации логистических уязвимостей, ярко проявившихся в виде паралича иранского вектора транзита (INSTC) и обнажения дефицита импорта отдельных категорий товаров, органам наднационального управления ЕАЭС необходимо предпринять ряд научно обоснованных шагов.

Во-первых, критически важно форсировать инфраструктурную диверсификацию. Требуется снизить зависимость от классического маршрута МТК «Север – Юг», перенаправив инвестиционный капитал на развитие портовых мощностей Транскаспийского (Среднего) коридора и расширение трансграничной железнодорожной инфраструктуры на восточном (китайском) направлении.

Во-вторых, необходимо углубление наднациональной координации распределительных механизмов. Практику ситуативного реагирования (национальные квоты и эмбарго на вывоз удобрений) сле-

дует трансформировать в создание полноценного Единого балансового фонда стратегических ресурсов (семенного материала, азотных и калийных удобрений, зернового фонда) на наднациональном уровне Евразийской экономической комиссии.

В-третьих, императивом становится достижение абсолютного технологического суверенитета в АПК. Зависимость от импортной генетики, средств защиты растений и специализированной сельхозтехники должна быть нивелирована через системное расширение механизмов наднационального субсидирования кооперационных инвестиционных проектов из бюджета ЕАЭС.

Вступление мировой экономики в эпоху перманентной институциональной турбулентности и структурного дефицита ресурсов требует от ЕАЭС перехода от парадигмы «интеграции ради свободной торговли» к концепции «интеграции ради совместного технологического, ресурсного и продовольственного суверенитета». При успешной реализации данного институционального направления ЕАЭС имеет все фундаментальные предпосылки для закрепления статуса системообразующего полюса глобальной продовольственной стабильности.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. *Белоусов Д.Р.* О сопоставлении структурного и морфологического подходов к сценированию долгосрочных социально-экономических процессов // Проблемы прогнозирования. 2024. № 5 (206). С. 59–71. [*Belousov D.R.* On the comparison of structural and morphological approaches to the scenario of long-term socio-economic processes // Studies on Russian Economic Development. 2024. No. 5 (206). Pp. 59–71. (In Russ.).] DOI: 10.47711/0868-6351-206-59-71
2. *Богданов К.В., Кобринская И.Я., Фрумкин Б.Е.* Гонка на Глобальном Юге, или Битва за мировое большинство. Перспективы России // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 80–97. [*Bogdanov K.V., Frumkin B.E., Kobrinskaya I.Ya.* A Race for the Global South or a Battle for the Global Majority: Russia's Prospects // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22. No. 5. Pp. 80–97. (In Russ.).] DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-5-80-97.
3. *Долженкова Е., Мохорова А. Ю.* Интеграционные процессы ЕАЭС в условиях санкций: социально-экономический и демографический аспекты // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3. № 2. С. 55–65. [*Dolzhenkova E., Mokhorova A. Yu.* Integration processes of the EAEU under sanctions: socio-economic and demographic aspects // DEMIS. Demographic studies. 2023. Vol. 3. No. 2. Pp. 55–65. (In Russ.).] DOI: 10.19181/demis.2023.3.2.4 EDN: VUPSYZ.
4. Продовольственная безопасность и потенциал АПК евразийского региона. Аналитический доклад № 23 // ЕАБР, 2023. С. 5–12. [Food security and potential of the agro-industrial complex of the Eurasian region. Analytical report No. 23 // EDB, 2023. Pp. 5–12. (In Russ.).]
5. *Ромашкин Р.А., Рыбальский Н.Г.* Продовольственная безопасность Евразийского экономического союза: достижения и перспективы интеграционного

взаимодействия // Век глобализации. 2025. № 3 (55). С. 155–175. [*Romashkin R.A., Rybalsky N.G.* Food security of the Eurasian Economic Union: achievements and prospects of integration interaction // Century of globalization. 2025. No. 3 (55). Pp. 155–175. (In Russ.).] DOI: 10.30884/vglob/2025.03.13.

6. *Спартак А.Н.* Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 4. С. 9–35. [*Spartak A.N.* Reformatting Russia's International Economic Cooperation in the Context of Sanctions and New Challenges // Russian Foreign Economic Journal. 2023. No. 4. Pp. 9–35. (In Russ.).] DOI: 10.24412/2072-8042-2023-4-9-35. EDN: BPMQHS.
7. Global Agrifood Implications of the 2026 Conflict in the Middle East // FAO. Rome, Italy. 2026. https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/1aafb5d8-39d1-481a-b1f8-25facaec3051/content
8. *Iashina E.A., Evgrafova L.V., Dzhancharova G.K., Ukolova A.V., Kovaleva E.V.* Analysis of the dynamics of food security in the countries of the Eurasian Economic Union // Front. Sustain. Food Syst. 2023. DOI: 10.3389/fsufs.2023.1114469.
9. *Kasturi C.S.* Is the INSTC Russia's new economic escape route? // Al Jazeera. 27 Jul 2022. https://www.aljazeera.com/economy/2022/7/27/russias-new-economic-escape-route (accessed: 11.04.2026).
10. *Khitakhunov A.* Agriculture in the Eurasian Economic Union: Analysis of Trends and Challenges // Eurasian Research Journal. 2020. Vol. 2. No. 2. Pp. 37–53. https://erj.eurasian-research.org (accessed: 11.04.2026).
11. *Dynkin A., V. Baranovsky* (project leads), *Kobrinskaya I. , Machavariani G.* (eds). Russia and the World: 2026. Economy and Foreign Policy. Annual Forecast. Moscow: IMEMO, 2026. DOI: 10.20542/978-5-9535-0649-6.
12. *Ruch F. U., Taskin T.* Demand and Supply Shocks: Evidence from Corporate Earning Calls // World Bank. Policy Research Working Paper. 2022. No. 9922. http://hdl.handle.net/10986/36923 (accessed: 11.04.2026).
13. *Vinokurov E., Ahunbaev A., Zaboev A.* International North–South Transport Corridor: Boosting Russia's «Pivot to The South» And Trans-Eurasian Connectivity // Russian Journal of Economics. 2022. No. 8 (2). Pp. 159–173.
14. *Werz M.* The Iran War's Hidden Front: Food, Water, and Fertilizer // Council on Foreign Relations. March 13, 2026. https://www.cfr.org/articles/the-iran-wars-hidden-front-food-water-and-fertilizer (accessed: 11.04.2026).

Дата поступления рукописи: *11.06.2026 г.*
Дата принятия к печати: *13.08.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернова Вероника Юрьевна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5951-9091
veronika_urievna@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Veronika Yu. Chernova – Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5951-9091
veronika_urievna@mail.ru

THE MIDDLE EAST CRISIS AND FOOD SECURITY: IMPLICATIONS FOR THE EAEU AGRICULTURAL AND FOOD SECURITY COMPLEX

This article analyzes the impact of the 2026 Middle East crisis on international food security and the channels through which this shock is transmitted to food parameters in the EAEU. The research methodological framework includes an index assessment of price dynamics (consumer price inflation indices for food), the calculation of per capita production coefficients, and a method for constructing multivariate matrix scenarios to assess the probabilistic impact of cascading external shocks on logistics and food security in the studied macro region. It is shown that the overall impact for the EAEU is ambiguous: for the EAEU, as a net exporter of grain, oil, and fertilizer, new export opportunities are opening up, but at the same time, inflation and logistics risks are increasing, and the importance of technological and infrastructure cooperation within the Union, as well as foreign trade diversification, is growing. The study's originality lies in its seamless synthesis of a retrospective analysis of the EAEU's agricultural sector development with the integration of the latest empirical data from the first quarter of 2026, reflecting the reaction of global markets to the disruption of Middle East trade routes. This allows the author not only to assess the current state of the industry but also to identify the underlying mechanisms by which EAEU economies absorb external shocks.

Keywords: *food security, EAEU, Middle East, energy shock, fertilizers, maritime logistics, food inflation, scenarios.*

JEL: F15, F51, Q11, Q18, Q17.